

RUGRAM

АЛЕСЬ АДАМОВИЧ

КАРАТЕЛИ

*Радость ножа,
или Жизнеописания гипербореев*

ФТМ

УДК 82-31
ББК 84(Бел)6
А28

Предисловие Н. А. Адамович

Адамович А.

А28 Каратели : Радость ножа, или Жизнеописания гиперборцев : [повесть] / Алесь Адамович ; [предисл. Н. Адамович]. — М. : «RUGRAM_ФТМ». — 366 с. — (Серия «Мировая классика»).

ISBN 978-5-521-74284-4

Повесть «Каратели» (1981) представляет собой художественно-документальную драму о бесчеловечной, звериной сущности философии фашизма. В центре событий — действия батальона СС гитлеровского карателя Дирлевангера на территории оккупированной Белоруссии в 1941–1944 годах, в том числе «акция устрашения», проведенная 15 июня 1942 года в селении Борки Кировского района Могилёвской области, в результате которой оно было уничтожено вместе со всеми его жителями. Автор пытается разобраться в мотивации главных героев. Произведение основано на документах, у многих персонажей есть реальные прототипы.

УДК 82-31
ББК 84(Бел)6

ISBN 978-5-521-74284-4

© Адамович Н. А., предисловие, 2021
© Адамович А. М., наследники, 2021
© Оформление.
ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2021

Предисловие*

Мои «Каратели» — бездны горечи
от человеческих падений...

Алесь Адамович

Над «Карателями» Алесь Адамович работал мучительно, долго, о чем говорят даты: 1970–1980, 1987–1988 годы. Напечатана повесть была в 1981 году в Минске с циклом полосных иллюстраций выдающегося белорусского графика А. М. Кашкуровича.

В это же время он работает над книгами «Я из огненной деревни» (в соавторстве с Я. Брылем и В. Колесником) и «Блокадной книгой» (в соавторстве с Д. Граниным). Он уже выслушал пронзительные рассказы хатынских женщин, мужчин и ленинградцев. После всего услышанного, записанного, собранного в книге «Я из огненной деревни» герои повествований и авторы задавались одним и тем же вопросом, обращенным как бы ко всему свету: «Так что же это было? И кто они — те, что это делали? Они люди или кто?»

«Я чувствовал писательское право и возможность весь свет направить, бросить в самую тьму крошечную — уже на самих карателей, фашистских убийц, — писал А. Адамович. — В „Хатынской повести“ и в нашей коллективной книге „Я из огненной деревни“ рассказано о тех... кого убивали. А здесь — о тех, кто убивал». Автора «мучают... и эти вопросы, и ответы на них: кто же они... нелюди среди людей, как из че-

* В тексте использованы цитаты из интервью и записных книжек Алеся Адамовича (в кавычках).

ловека делают это, и что с ним при этом делается...». В одном из интервью писатель сказал: «Повесть, кажется, про самое отвратительное, что может быть на войне, про тех, кто убивал наших людей в Хатынях, про палачей».

Алесь Адамович обозначает свои повести жанром «литература запекшейся крови».

Как писатель он опирался на Достоевского, которого знал и любил. Тот еще сто лет назад заклеил опаснейший вирус вседозволенности, предсказал появление фашизма и то, что «главные убийцы-теоретики скоро сто миллионов голов потребуют во имя идеи — удержи им не будет». В XX веке счет мог идти уже на миллиарды ради все того же «счастья будущих поколений»...

«Встретил Д[остоевского] по-наст[оящему] не в книгах — в жизни, в людях... То, что Д[остоевский] открывал лит[ературе] и миру прозорливостью мучительного жестокого гения, открылось людям простым в их страшной жизни, миллионам людей».

Повесть «Каратели» — «о реальных теоретиках и практиках фашистского геноцида», которые стремились превратить людей в народ без милосердия, принимали жестокость и бесчувственность к чужой боли за добродетель и постоянно проявляли готовность убивать, убивать!..

Алесь Адамович использовал в книге материалы судебных процессов над карателями, на которых он присутствовал лично в 1974 году в Гродно и в 1977 году в Минске. Во время этих заседаний он записывал рассказы подсудимых, служивших у немцев: как они жгли, уничтожали Хатынь, что помнят, что думают сейчас о тех злодеяниях. Об их поведении, отношении к прошлому, их семьях — женах и детях, которые ничего не знали об их прошлом. Как оказалось, бывшие каратели жили, заводили семьи, работали. В судах они даже представляли положительные характеристики,

медали, награды (например, «Ударник коммунистического труда»). В тех же залах одновременно сидели и бывшие жертвы, и палачи, и их родные. Адамович при этом делает зарисовки портретов карателей.

Повесть построена при помощи того же документализма. Фамилии его антигероев — Мелешко, Тупига, Муравьев, Лакуста, Белый, Суров, Мельниченко, Сиротка, Оскар Дирлевангер (главный немецкий каратель) и другие — взяты из судебных протоколов.

Из рассказов подсудимых было видно, что «желание выжить любыми средствами» руководило их поступками и тогда, и теперь. По их словам, *тогда* они якобы ничего не делали: «всегда оказывался там, где не убивали, не жгли и т. д.». Вроде как просто путешествовали по войне, без цели и результатов. Причем немцы, по воспоминаниям, порой и в воздух стреляли, отпускали жертв, а эти нет... «А что у него винтовка и он может стрелять, но в немца — даже и теперь не думает. Не выгодно сознавать такую возможность». Они предпочитали предстать перед судом трусами, но никак не садистами и не палачами. Хотя тут «срока давности» не существует: поэтому или тебя казнят, или сам себя должен истребить, но это если ты стал другой. А если прежний и думаешь только о своем спасении, то при соответствующих условиях «снова появится Муравьев, муравьевцы, 57-й полицейский батальон», жаль, но среди них «не оказалось ни одного, кто не выдержал бы мук совести и сам себя покарал бы по-настоящему»...

Алесь Адамович изучает психологию личности, мотивацию поведения человека в так называемых пограничных ситуациях. Карателями не рождаются, говорит автор, ими становятся, и они не имеют национальности, к сожалению, жили рядом, они не инопланетяне. У них был выбор: либо мужественно, сохранив в себе человека, умереть, либо стать изменником, карателем, воспользоваться шансом выжить,

вернее, лишь существовать всю последующую жизнь... Они тешили себя самообманом, что это ненадолго, что при случае или сбегут, или перейдут к партизанам. Но гитлеровцы не давали им такого шанса... Как вспоминал один из подсудимых карателей, их *«окропляли — чтобы у каждого из нас были руки в крови»*. Своей книгой писатель напоминает об опасной истине, «что грань между „человеком“ и „карателем“ не обязательно патологическая. А чаще всего лишь социальная (ложные идеи), психологическая (не устоял в какой-то момент, сломался)», и тогда «обстоятельства (и те, кому это надо, выгодно) [тому же Дирлевангеру. — Н. А.] попытаются затащить человека за черту, откуда возврата не бывает. Есть, есть такая черта...».

На какой-то стадии работы изменилось название книги, и даже ее жанр, который определялся писателем как «документально-фантастическая повесть». Она являлась документальной в своей основе: на Могилевщине существовала деревня Борки и был спецбатальон Оскара Дирлевангера, уничтоживший сотни белорусских деревень вместе с жителями. «За всем этим — документ. Ну а „фантастика“ — в том лишь смысле, что наше сознание даже „документ“ не готово признать, принять, когда он свидетельствует о такой правде. И чем реальнее, тем фантастичнее...»

В процессе работы А. Адамович перечитал Ницше, выписывая цитаты из его книг в общие тетради. Писатель стремился разоблачить фашистское мифотворчество, опирающееся на эгоцентрическую философию Ницше и его концепцию гипербореев-сверхлюдей (отсюда и подзаголовок «Радость ножа, или Жизнеописание гипербореев»).

Адамович предупреждает будущих Ницше, что не только идеи физиков, естественников, но и ваши недобрые, режущие идеи и мысли могут быть использованы: эти «ножи» подхватят и пойдут по чужим жиз-

ням. А ведь Ницше не хотел того, на что судьба его обрекла, — «стать оружейником дирлевангеровцев-гипербореев».

Заключительную главу, «Дублер: Сны с открытыми глазами», посвященную второму тирану — Сталину (который был дублером то Ленина, то Гитлера), А. Адамович долго писал в общие тетради (как раньше и «Карателей»), просто, как говорят, в стол, и воспринималась она им как самостоятельная повесть. Он боялся не успеть ее написать: «Судьба все же должна мне позволить написать „Дублера“, ведь именно она дала бы „Карателям“ необходимый акцент». Для него это становится главным: «Ну и любыми судьбами и чем бы это ни грозило — впечатать в „Карателей“ „Дублера“!»

Из-за цензуры эта глава была напечатана только в 1988 году («Дружба народов», № 11), а в 1989 году вышла впервые книга «Каратели» с главой «Дублер». В ней вскрывается сущность подозрительного, страдающего манией преследования и испытывающего страх диктатора.

«...В „Карателях“ будет все отвращение к этим ничтожествам [Гитлер, Сталин. — Н. А.], возмнившим, что они хозяева миллионов судеб, особей, которые, безусловно, человечнее их... На них смотрят невольно сквозь увеличительное стекло, если уж не экстаза политического, то удивления просто человеческого: вот что они могли! (Напр[имер], решить и убить 6 млн или целый слой социальный убрать.) И не думаем, что „удивляться“ надо по-хорошему на тех, на того, который не сделает этого, не смог бы, не стал бы, не надо ему этого. Таких миллионы, и они-то заслуживают быть в памяти человеческой... а эти выродки, и такими им оставаться. Конечно, литерат[ура] обязывает понять, как это бывает, отчего бывает и возможно. И тут уже общего чувства мало, но и оно будет стоять за анализом — в „Карателях“». 24.06.[19]77.

Алесь Адамович понимал, что каратели пока не исчезнут на Земле, поэтому «в „Карателях“ глава о современных гипербореях должна оставаться открытой. Дописали себя Сабра и Шатила. Допишет, увы, и Афганистан! А там и еще кто-то...». И это, к сожалению, имеет тенденцию повторения: за Гитлером и Сталиным идут другие инициаторы массовых убийств.

Н. А. Адамович
Октябрь, 2013